

I

Праздничные персонажи карельской мифологии

Кегри

Народный календарь карелов (как и соседствующих с ними финнов и вепсов) в основе своей был скотоводческим и аграрным, хотя в нем сохранялись и более древние элементы, связанные с охотой и рыболовством. Во многих праздничных ритуалах прослеживается достаточно тесная связь аграрных и поминальных культов.

Так, к примеру, день Кегри, отмечаемый 1–2 ноября (Kegrin päivu — сведений о нем сохранилось очень мало), знаменовал собой окончание старого и начало нового хозяйственного года. Это был праздник урожая и завершения пастбищного сезона. В некоторых районах этот временной отрезок называют «jakoaika» (время раздела, может быть, новый год)¹. К этому времени заканчивался летний цикл и начинался зимний, была завершена полевая страда, наступал период женских работ: обработка льна и шерсти, прядение и вязание. Все немногочисленные данные, собранные об этом празднике, свидетельствуют, что его центральным персонажем было некое божество (или мифологическое существо) Кегри.

Первое письменное упоминание о Кегри как об одном из языческих божеств карелов встречается в предисловии к переводу Псалтыри М. Агриколы: «Kakri se liseis Carian cassuon» (Кегри прибавлял прирост

---

¹ Мансика В. Из финской этнографической литературы. Петроград, 1917. С. 203.

скота)². Это был бог-покровитель домашнего скота и посевов зерновых³. Как пишет М. Хаавио, 1 ноября день Кегри активно отмечали в Саво и Карелии еще в XVII–XVIII веках. Исследователь подчеркивает именно аграрный характер праздника. За неделю до праздника выбирали лучшую, чаще всего годовалую овцу (*kekri*lammas — овца Кегри), отделяли ее от стада и усиленно кормили, готовясь к жертвоприношению. Резали овцу в доме в полночь, когда новый год сменяет старый, или под утро, часа в четыре. Освежеванную тушу сразу же ставили на огонь, варили ее целиком: с головой, ногами и внутренностями. Солить варево и пробовать его имел право только самый старший хозяин дома. Пока не будет готово это мясо, никому из членов семьи нельзя было ничего есть (во избежание болезней). Затем начинался пир, одним из условий которого было съесть все мясо без остатка⁴. Этот ритуал продуцировал сытость и благополучие в наступающем году. Кратковременность самого праздника Кегри подчеркивается во многих пословицах: *Ei häi ainos kegrī kestä, eigo ainos perttilöi pestä*⁵ (Не все время ведь кегри длится, не все время и полы моют); *On kerran kekri keuhälläki*⁶ (Есть один раз кекри и у бедного). Первая паремия, возможно, сохранила упоминание о том, что лиминальный промежуток ухода старого года и наступления нового и в далекой древности (когда смена лет происходила осенью) считался «чистым», подобно тому, каким в мифологической прозе XX века виделось святочное «время земли Сюндю».

Нельзя было оставить без угощения и самого духа-хозяина праздника. Накануне вечером кормили и поили Кегри. Еду относили в хлев, в конюшню; кто-то уносил под большое дерево или неподвижный камень в поле или в лесу; а некоторые — во все эти места⁷.

С этим праздником связан еще один интересный обычай, зафиксированный в 1881 году в Войнице К. Кроном⁸. Эпические песни карелы пели и в будни, но именно в день Кегри исполняли, как он пишет, особую руну: «у Кегри была своя песня». На стыке нового и старого года убивали жертвенное животное (иногда это мог быть и бык), съедали его, а взамен пели руну о большом быке. Сюжет ее таков: выросло огромное животное; ласточка за день не успевала перелететь от головы

² *Agricola M.* Micael Agricolan teokset. III. Porvoo. 1931. S. 213.

³ *Vuorele T.* Kansan perinteen sanakirja. Porvoo—Helsinki, 1979.

⁴ *Haavio M.* Karjalan jumalat. Porvoo—Helsinki. 1959. S. 18, 19, 26, 27.

⁵ *Karjalaisia sananpolvia.* Helsinki, 1971. S. 143.

⁶ *Karjalan kielen sanakirja.* Osa 2. Helsinki, 1974. S. 119.

⁷ *Haavio M.* Karjalan jumalat. Porvoo—Helsinki, 1959. S. 19.

⁸ *Ibid.* S. 41.

до хвоста, а белка — за месяц допрыгать от одного рога до другого; но поднялся из черного моря черноволосый кудрявый мужичок величиной с палец и зарезал быка, надолго обеспечив весь род и мясом, и жиром. Возможно, в образе этого черноволосого крошки, наделенного недюжинной силой, выделялся и наступающий год сытости и процветания, и его олицетворение, сам дух-хозяин праздника Кегри. Неслучайно в Рыпушкалицах о веселом и боевом парне-мальчишке говорят: «Волосы черные, как у Кегри, и очень бойкий, прыгает, как Кегри» (Tukat on mustat gu kegril, ylen on boikoi, huppiu gu kegr⁹). Есть и детская прибаутка, характеризующая мифологический персонаж: Кегри принесет клубок, вертлявый — моток (Kegri tuo keräsen, vigli viihtyön)¹⁰. К сожалению, ничего иного о внешнем виде Кегри сказать невозможно. Во-первых, вследствие того, что сам праздничный персонаж считался невидимым; а во-вторых, о нем сохранилось минимальное количество сведений.

Руна о большом быке (бытует множество ее вариантов с различными главными героями, в том числе верховным богом Укко) считается одной из самых древних¹¹, а бык, являясь одновременно символом жизненной энергии и смерти, земли и неба, принадлежит к самому архаичному типу мифологических персонажей. В мифологиях многих народов это животное является земным воплощением бога или его атрибутом (один из самых известных — египетский Апис). Быка чаще всего жертвуют богам-громовержцам (римляне — Юпитеру, а восточные славяне — Илье-пророку, заменившему Перуна)¹². В Карелии его жертвоприношение было «смыслообразующим компонентом» многих традиционных сельских праздников, а во время Святков даже разыгрывали некое театрализованное действие, имитирующее «убой быка»¹³. В одной из карельских сказок водяной просит пожертвовать ему стокилограммовое животное. Забивая быка в день Кегри, когда один год сменял другой, не только кормили и задабривали мифологическое существо, но и продуцировали сытую и плодотворную жизнь на новый временной отрезок.

В день Кегри завершался пастушеский сезон. В Пасху колокольчики вешали животным, а в этот день снимали¹⁴. Об этом говорят многие паремии, в которых Кегри предстает не иначе как некое одушевленное

⁹ Karjalan kielen sanakirja. Osa 2. Helsinki, 1974. S. 120.

¹⁰ Karjalaisia sananpolvia. Helsinki, 1971. S. 143.

¹¹ Карху Э. Г. Эпическая поэзия: Типология эпических сюжетов // Карельский и ингерманландский фольклор в историческом освещении. СПб., 1994. С. 73.

¹² Иванов В. В. Бык // Мифы народов мира. Т. 1. М., 1987. С. 203.

¹³ Абросимова Д. Д. К семантике образа быка в русской и карельской традициях // «Калевала» в контексте региональной и мировой культуры. Петрозаводск, 2010. С. 260–261.

¹⁴ Haavio M. Karjalan jumalat. Porvo-Helsinki, 1959. S. 24.

существо: Kekri lehmällä kellon vei, pääsiäinen päähän toi (Кекри у коровы колокол унес, Пасха — на шею принесла); Kekrinä kello naulaan, pääsiäisenä kaulaan (В Кегри колокол — на гвоздь, в Пасху — на шею). Именем «кеури» именовался и пастух, который последним пригонял скот в завершающий день выпаса, а также последний жнец во время уборки ржи¹⁵, оставлявший последний кусочек несжатым. Такой кусочек оставляли еще и в XX веке, но называли его уже в честь христианского святого: «П'ан рарта» борода Ильи). Если у карелов, как и у русских Рухä П'у (святой Илья) заменил верховного бога Укко, владевшего молнией и громом, то нельзя ли провести логическую цепочку от него к Кегри (через «кеури»)?

Связь Кегри с аграрным календарем подчеркнута в верованиях, связанных с женскими работами. Накануне в пятницу строго запрещалось прясть; определенное количество ниток нужно было приготовить уже до этого, их вешали в сенях на окно. Иначе, пугали, Кегри придет и выключит глаза или сломает пальцы¹⁶. В Поросозере считали, что в субботу надо на окно положить пучок или клубок льна: за ним придет Кегри (Kegri keräzen kyzyu, kegrisuovattan pannah ikkunale pelvaspivo libo liinukerä). Также верили, что к началу нового года все работы должны быть доделаны: к примеру, предупреждали, что Кегри спалит на голове недопряденную куделю (Kegri teil työt polttau piän piäl ku ei ole kezrätty). В Паданах предупреждали даже детей, что кегри перемелет жерновом пальцы тому, кто не напярл ни клубка (Lapsile sanotah: kegrin sormet jauhou kivel kel ei ole kerä kezrätty)¹⁷. В Суйстамо считали, что женщины должны успеть спрясть летний лен в моток кегри, иначе он к дереву привяжет (Naiziel pidi suaja kezäpelvahat kegrin viyhtile ku kegrin ei ruuh sidos)¹⁸. Таким образом, этот мифологический персонаж ассоциируется и с различными божествами судеб, аналогичных, к примеру, греческим Паркам, вяжущим нить человеческой жизни¹⁹.

В первой половине XX века у тверских карел сохранялся один из обрядов, связанных с днем Кегри — это ряженье. Несмотря на позднюю модель, в нем сохранились некоторые элементы, указывающие на связь с тотемистическими представлениями. Молодежь (а по свидетельствам са-

¹⁵ Мифы финноугров. Сост. В. Я. Петрухин. М., 2003. С. 82.

¹⁶ Маслова Г. С. Материалы по аграрному календарю карел юго-западной Карелии // Полевые исследования Института этнографии. 1978. М., 1980. С. 225.

¹⁷ Karjalan kielen sanakirja. О. П. Helsinki, 1974. S. 119–120.

¹⁸ Коппка А., Огнева О. Праздники и будни. Петрозаводск, 2010. С. 197.

¹⁹ Об этих образах см.: Криничная Н. А. Нить жизни. Петрозаводск, 1995.

мых старых информантов, и люди среднего возраста) надевала вывернутые наизнанку тулупы и различные маски с бородами, мазалась сажей, брала ухваты, кочерги, палки, некоторые изображали коней и коров, и шли пугать, чаще всего, детей. Детишки очень боялись этого Кегри, показывали и дарили ему клубки ниток, угощали блинами и обещали больше не баловаться²⁰. В результате обхода домов ряженный, персонафицировавший Кегри, был настолько нагружен угощениями, что сложилась поговорка: «Собирает, как Кегри, такую большую ношу, что едва идет» (Kereäy ku kegrī takkah ruon, odva vai astuu)²¹. Святочного персонажа южных карелов-ливвиков Сюдю также встречали специально испеченными блинами; да и сам Сюдю порой виделся людям как огромная движущаяся копна или ворох сена. В этот праздник элементы маскарада использовали многие карелы, но только тверские переводят день Кегри как пугало-день, а самих ряженных называют кегри: В день кегри придут ряженные-кегри, надо дать шерсти, накормить мясным (Kegrinpäivän tullah kegrit, pidäy andua villua, syöttiä lihahizella). Причем, это относится и к святочному периоду: ряженными, как кегри, ходили по домам до рождественского поста (Kegrinä käveldih ennen gostuonpyhiä²²). У тверских карел само слово кегри обозначает «злого лесного духа, которым пугают детей»²³. Здесь происходит снижение величественного божества до злобного мифологического существа так же, как произошло постепенное нисхождение «золотого короля Тапио» до лешего, практически ассоциируемого с чертом.

Интересный материал был записан во время экспедиции 2011 года к карелам-людикам. О дне Кегри они помнят только то, что в старину был такой праздник, знаменовавший окончание полевых работ. Позже его называли Loppijäizet (Окончание? Концовка?), своеобразный День урожая, когда пекли особые пироги-серпы (čiripiirait). Православная церковь приурочила ко дню Кегри праздник Иконы Казанской Божьей Матери (4 ноября). В селе Михайловском, пытаясь возродить празднование дня Кегри, восьмидесятилетние бабушки вспомнили интересный рассказ, который они слышали еще от своих прабабок.

Рождественский Сочельник. Морозная ночь, ярко светит месяц. Уставшая женщина прядет, так как надо одеть многочисленных детей. Вдруг

²⁰ Маслова Г. С. «Kegrin päivä» у карел Калининской области // Советская этнография. 1937. № 4. С. 150–152.

²¹ История и культура Сямозерья. Петрозаводск, 2008. С. 338.

²² Словарь карельского языка (тверские карелы) / Сост. А. Я. Пунжина. Петрозаводск, 1994. С. 93, 241.

²³ Мансикка В. Из финской этнографической литературы. Петроград, 1917. С. 203.

распахивается дверь, и на пороге появляется копна сена, держащая в руках двенадцать веретен. Существо ударяет женщину по пальцам: «Бог спустился на землю, а ты прядешь! Чтобы до утра спряла на все эти веретена!» Пряха испугалась: и времени уже мало остается, и кудель заканчивается... Но она нашла выход: нарядет немного на веретено, и на лавку его положит... Уже к концу работа приближается... Вдруг петух пропел! И Сюндю пропал, только дверь скрипнула! С тех пор во время праздника не прядут и никакую грязную работу не делают! (ФА 3712).

Интересно, что бабушки разыгрывают данную сценку во время празднования дня Кегри, но называют персонажа Сюндю. То есть в воспоминаниях современных информантов происходит переплетение, наложение двух архаичных образов друг на друга. Это еще раз может свидетельствовать о том, что праздник Святков (то есть время, когда «земля принадлежит» Сюндю) в результате изменения календаря пришел на смену дню Кегри.

Но еще в конце XIX века карело-финское население Восточной Финляндии центральное место в этот праздник отводило обрядам, связанным с одним из самых архаичных культов, с культом мертвых²⁴. В древности, по-видимому, именно он наряду с жертвоприношением составлял основу праздника, уступив позднее первенство ряженью, в котором в XX веке уже забывалась связь с тотемистическими представлениями, а приоритет отдавался развлекательной стороне. Накануне дня Кегри для покойных предков, на время возвращающихся с того света, топили баню, приносили воду и веник, чтобы они попарились и помылись. А в избе в это время готовили праздничное угощение. Через некоторое время в баню шли хозяева, а первопрядки и умершие родственники (*syndyzet*), согласно древним верованиям, приходили в дом и начинали пировать. Затем хозяева, вернувшись из бани, стелили постель для ночлега покойных, и сами садились на их место за стол²⁵. Всё это должно было обеспечить в будущем году хороший урожай, благополучие в доме, а особенно в животноводстве²⁶. Карелы также поминали почивших родителей и считали Кегри своим духом-покровителем. Праздник этот выпадал на первую субботу ноября перед Дмитриевым днем и считался поминальной субботой²⁷. В XX веке ка-

²⁴ *Kemppinen I.* Suomalainen mytologia. Helsinki, 1960. S. 37.

²⁵ *Krohn K.* Suomalaisen uskonto. Helsinki, 1915. S. 53–56. *Vilkuna K.* Vuotuinen ajantieto. Helsinki, 1950. S. 296–298.

²⁶ Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Зимние праздники. М., 1973. С. 123–125.

²⁷ *Virtaranta P.* Vienen kansa muistele. Porvoo—Helsinki, 1958. S.764.

релы ходили на кладбище, чтобы навестить прародителей и заручиться их покровительством. Там оставляли им угощение. Чаще всего это были рыбники, позже яйца (считалось, одним яйцом, как средоточием жизненной энергии, можно накормить сорок покойников); запрещалось брать изделия из картофеля (карелы считали его творением нечистого и называли *kaun tугä*, кила черта или половой орган черта). Одним из старинных поминальных угощений было толокно. В Суйстамо говорили: Кегри придет, надо бы толокняной муки достать (*Kegri tulou, pidäis talkkunajauhuo suahta*²⁸). Тверские карелы, по свидетельству «Летописи» 1869 года, в субботу «в день Кегр» варят много толокна, постятся до полудня, а затем, «помолившись, садятся за стол и с этим толокном поминают усопших родных»²⁹. Имеются сведения, что во время праздничного пира «покойники иногда присутствовали через представителей, т. е. ряженных и маскированных посетителей и нищих, или в виде человекообразного чучела»³⁰.

Есть еще одна паремия, в которой прослеживается связь образа Кегри с культом предков: Смотрит Кегри в подполье, уже ли лен в пучках, заканчивается ли его обработка (*Katsoo kekri karsinah, onko pelvas piivoisis, liinasen litsut loppusil*³¹). В древности именно подпол был местом захоронения родичей, и именно к этому локусу приковано внимание Кегри.

Все это (обрядовое почитание покровителей-первопредков, аналогия мифологического персонажа с персонификаторами времени, предсказателями и вершителями человеческих судеб) будет прослеживаться и в карельских святочных образах. Поэтому взаимосвязь всех трех персонажей Кегри — Сюдю — Крещенская баба, персонифицирующих лиминальное время праздников, несомненна. То, что когда-то день Кегри знаменовал собой не только окончание сельскохозяйственного года, но и всего годового цикла, донесли до наших дней архаичные паремии, в которых этот праздник напрямую сопоставляется с христианским Рождеством: Есть Кегри и у бедняка, Рождество у убогого (*On kekri köyhälläkin, joulujuhla vaivaisella*³²). Карелы и финны вспоминают, что «Рождество раньше не считали таким большим праздником, как Кегри» (*Ei jouluu ennen niin suurena juhlanan pidetty kuin kekriinä*³³).

²⁸ Karjalan kielen sanakirja. Osa II. Helsinki, 1974. S. 119.

²⁹ Маслова Г. С. «Кегрин päivä» у карел Калининской области // Советская этнография. 1937. № 4. С. 150.

³⁰ Мансикка В. П. Из финской этнографической литературы. Петроград, 1917. С. 203.

³¹ Karjalaisia sananpolvia. Helsinki, 1971. S. 143.

³² Nykysuomen sanakirja. I WSOY. Porvoo—Helsinki, 1978. S. 295.

³³ Vuorele T. Kansan perinteen sanakirja. Porvoo—Helsinki, 1979.

Невидимая хозяйка прядения может отбить руки

1

Sygyzylä oli se Kegripäivä. Sygyzylä tol'kko oli t'yön perranda-aigaa. "Kezräkkiä t'erämbi langua, lapset! Ei ni Kegri tulou, ni t'eilä kiät kolottiu!"

No a meil'ä oli tiäl'ä t'otkalla, siid'ä miun podruškan oli t'otka, Suondärvessä, no ni hänel'ä oli syndymästä käzi n'äin, rovno oldii sormet, syndyn niin siid'ä. A meil'ä pid'äy tiijustaa, što mint'än hän on käzi lyhyt, t'äst'ä hänel'ä. Kezriäy, ni män'e kuin kezräzi, n'äin. No dai myö sanomma:

— Ol'oi-t'otka, mid'äbä on siula käzi se n'äin, sormiloi eule?

No nin kezriäy, ni yhet vai nyčykkäzet, ku pikkarazet ku b'ol'bozet näi.

— A vot, sanou, työ lopekkua kezrät'ä, pangua ikkunalla keräne, sanou, a ei, ni tulou miun luaduu Kegri, sanou, da kolottiu da vot tämmöine käzi teil'ä lienou.

A myö kuoželija luajima päriest'ä danin kezriämää rubiema, g'ei Kegri kropčis.

— Mimmone oli se Kegri? Nägikö, vain tak govorili?

— Eigo ožututtuahuže se meil'ä. Prosto tak govorittii, što Kegri tulou, kiät kolottiu teil'ä, ku että... Kezräkkiä t'yöd'ä. T'yöd'ä luajikkua, pangua keräne ikkunalla. Kegri tulou, kiät kolottiu.

— Se oli kezriännän emändä?

— No, kezriän'n'än, se štobi langua olis.

Осенью был этот день Кегри, осенью, во время трепания льна. «Прядите скорее нитки, дети! А то придёт Кегри, руки вам отобьёт!» А у нас здесь у тётки моей подружки в Суондале, у неё от рождения руки — вот такие были пальцы, от рождения. А нам надо узнать, почему у неё рука короткая. А прядёт, поди знай, как прядёт. Мы и говорим: «Олэй-тётка, почему у тебя рука такая, пальцев нет?» Так прядёт, а одни только коротышки, как маленькие пупырышки. «А вот вы, — говорит, — заканчивайте прясть. Положите клубок на окно. А то придёт, как и ко мне, Кегри и отобьёт вам пальцы, и вот такая у вас рука будет». А мы прялку из лучины сделаем и начинаем прясть, чтобы Кегри не побил.

— Какой он был, Кегри? Видели вы или так говорили?

— Не показывался он нам. Просто так говорили, что Кегри придёт, руки отобьёт вам, раз не прядёте. Прядите лён. Работайте, положите на окно клубок. Не то Кегри придёт, руки отобьёт.

— Это была как хозяйка прядения?

— Да, прядения. Это чтобы нитки были.

ФА. 2253/11. Зап. Никольская Р. Ф., Ремшувев Р. П. в 1975 г. в д. Мяндусельга от Савельевой П. С.

Кегри роняет колокольчики

2

J. I. — Ka mie en tiijä, kačo, mitä šanottih, a kuulima, jotta oli Kekrin päivä. No oli, oli. Vanha rahvaš šanottih. Vielä šanottih, jotta Kekrihän še kellot kirjvottau elukoilta kaklašta, jotta pitäy Kekrinä kellot kaklašta heittyä. Šen mie muissan, a tiijä en, jotta konša še on.

P. I. — Šykyšyllähän ne kellot heitetäh pois kaklašta.

J. I. — Ka no še onki Kekrin päivä, še, siinä šyyštalvešta.

Е. И. — Да я не знаю, что говорили. Но слышали, что был день Кегри. Был, был. Старики говорили. Ещё говорили, что Кегри, он колокольчики сбросит у животных с шеи. На Кегри надо снять колокольчики с шеи. Это я помню, но не знаю, когда он /Кегри/.

П. И. — Осенью эти колокольчики снимают с шеи?

Е. И. — Да, это и есть день Кегри, осенью, перед зимой.

ФА. 2328/23. Зап. Реммуева Р. П. в 1975 г. в д. Луусалми от Савиной Е. И. и Кирилловой П. И.

Пугали, что Кегри придёт

3

Kegrie mainittih, kuulin, mistä mainittih: Kegri, Kegri tulou, Kegri tulou. En tiijä, mimmoni še oli Kegri... Pölätelidih: Kegri tulou... En uroa sanuo, oligo hän sygyžyllä vain kežällä, vain millä aigua se Kegri käveli... Oli, oli, muissan, Kegrie mainittih, jotta Kegrin päivä on. No oldih ne kaikki yksityizenä, mainittih, konža jedinolično žiili. Niidä Kegrin päivie šilloin piettih...

О Кегри вспоминали, помню, говорили: Кегри, Кегри придёт, Кегри придёт. Не знаю, какой он, Кегри. Пугали: Кегри придёт... Не могу сказать, был ли он осенью или летом, или в какое время Кегри ходил... Был, был, помню, о Кегри упоминали, что есть день Кегри. Но обо всём этом говорили, когда единолично жили. Тогда день Кегри отмечали...

ФА. 2946/4. Зап. Конкка А. П. в 1986 г. в д. Реболы от Ивановой И. И.

Святочные персонажи карелов

Благодаря длительному промежутку времени (прошло уже более семи веков с начала крещения карельского народа) и удачной тактике православной церкви христианские праздники прочно наложились на праздничные даты, которые приходились на это время по народному летоисчислению. Дни поминовения православных святых и праздники, связанные с событиями Священного Писания, оказывались соединенными с традиционными работами сельскохозяйственного годового цикла. Обряды и обычаи, приуроченные к церковному празднику, зачастую связывались с дохристианскими верованиями, заключали в себе остатки древних магических ритуалов, традиционных жертвоприношений, призванных обеспечить хозяйственное и жизненное благополучие крестьянства. Образы различных святых слились с образами языческих божеств и тотемов. К примеру, у русских сохранились свидетельства о «скотьем боге» Велесе, поклонение которому православная церковь заменила днем святого Власия, а из него народ в свою очередь сделал

покровителя тех же домашних животных. У карелов был аналогичный праздник *Vallasien räivu*, когда совершались различные обряды, способствующие спокойствию и плодовитости скота.

В Карелии больше всего мифологических рассказов, связанных с праздниками, посвящено зимним Святкам. Это было самое сакральное, самое таинственное время года, когда в соответствии с народными верованиями вся нечистая сила могла свободно передвигаться по земле. Специально для умерших предков разводились костры, чтобы они могли прийти погреться у их огня, а потом в трудную минуту помочь живущим. Именно в это время ходили ряжеными (*kummat, huhl'akat*), царила смеховая культура (М. Бахтин), и все это было наполнено, прежде всего, религиозно-магическим содержанием. В этот временной промежуток снились вещие сны («*priboi unet*»), а люди ходили слушать Сюндю (*Syndy*) и Крещенскую бабу (*Vierissän akka*), которым «принадлежала вся земля» (*Synnyn tuan aigu*) и было известно будущее. Весь этот святочный период завершался купанием в освященной проруби, как в библейском Иордане (*Jordanu*), благодаря чему прощались все человеческие прегрешения.

Святки (это период с Рождества Христова, 7 января, до Крещенья Господня, 19 января) — совершенно особый, главный праздник годового цикла. Как пишет В. Н. Топоров, «это состояние, когда время останавливается, когда его нет... Старый мир, старое время, старый человек „износились“, и их ожидает распад, смерть... В таких условиях спасти может лишь чудо, равное чуду первотворения, когда хаос побежден и установилась космическая организация. Нужно идеально точное воспроизведение прецедента, того, что имело место „в начале“, „в первый раз“... Для этого... требуется определить то место и время, где состоится воспроизведение прецедента»³⁴. Именно это ритуальное действие и происходит в сакральное время (Святки, полночь) и в сакральном месте (перекресток, прорубь). Закрепляется все магией чисел, которым придавалось сверхъестественное, «космизирующее» значение. «Числа становились образом мира и отсюда — средством для его периодического восстановления в циклической схеме развития для преодоления деструктивных хаотических тенденций»³⁵. Для того, чтобы пойти слушать Крещенскую бабу и Сюндю, требовалось не менее трех или пяти человек, их количество обязательно должно было быть нечетным. Вокруг слушающих трижды чертили круг (всегда по солнцу или дважды

³⁴ Топоров В. Н. Праздник // Мифы народов мира. Т.2. М., 1988. С. 330.

³⁵ Там же. С. 329.

по солнцу и один против). Подчеркивало и увеличивало символичность цифр произнесение магического стиха-формулы «Что одно?» («Mikä yksi?»), в котором персонифицируется и одновременно продуцируется новое сотворение макрокосма (Млечный путь), первопредметов и микрокосма (человек).

О Syndy и Vierissän akka записано достаточно большое количество быличек (правда, их сюжетное разнообразие невелико). О них и сегодня с удовольствием повествует практически каждая старая карелка.

Попытку обрисовать контуры ареала бытования обоих персонажей предпринял А. П. Конкка³⁶. Сюндю — персонаж южных карелов, ливвиков и людиков. Ребольские и сегозерские карелы еще рассказывают о нем, но связан он уже с водной, а не с небесной стихией (поднимается из проруби), и Святки называют уже по-севернокарельски (Виериссян кески или вяли). На севере Карелии (Лоухский, Калевальский и Беломорский районы) бытует образ Крещенской бабы; южная граница бытования этого термина практически совпадает с границей бывших Олонецкой и Архангельской губерний, разделявших ранее Карелию на две части по линии восток-запад, и идет в восточном направлении, захватывая Юшкозеро и Панозеро, но обходя тунгудских карел с севера. На самом севере Ребольской волости встречается еще один переходный персонаж — Баба Сюндю (Synnyn akka).

По всей видимости, карельских святочных персонажей можно поставить в одну параллель (именно параллель, а не ряд, т. к. различия очевидны) с русскими Святке и шуликунами, с немецкими «Диким охотником» и Хаккельбергом, фрау Холле, австрийской Перхтой, с итальянской феей Бертраной и французским Пер Нозлем. Четыре последних образа уже, конечно, очень близки к христианизированным персонажам Санта-Клауса (св. Николая), св. Люции, св. Мартина, но, хотя они выступают в основном в качестве дарителей для детей, в них, как и в самых древних образах, присутствуют и положительные, и отрицательные черты.

В конце XIX века мифологические рассказы о нечистой силе в Петрозаводском уезде собирал А. Георгиевский. Вот что он писал о Святке: «Между всей этой чертовщиной есть еще нечистый дух, это Святке. Появляется он на второй день Рождества Христова, а в крещенский сочельник после вечерни его уже нет на земле. Этот может и добро делать, но больше делает добра по своей оплошности, и может вред принести человеку, по оплошности человека. Он может превращаться в человека, даже может быть его двойником, принимает иногда вид животных.

³⁶ Конкка А. П. Святки в Панозере // Панозеро. Петрозаводск, 2003. С. 130–132.

Про него существует много рассказов, но прежде должен сказать, что он не может даже перешагнуть черты на снегу и полу, проведенной чем-либо железным. Ходят в Святки слушать, делают около себя круг, на несколько сажень в диаметре, проводя, чертя чем-либо железным, тогда Святке ходит около черты, а в круг пойти не может»³⁷.

Карельские мифологические образы *Syndy* и *Vierissän akka* схожи со всеми этими святочными образами, распространенными по всей Европе, но все-таки занимают несколько иную нишу в народном представлении и сохранили в себе весьма глубокую архаику.

Крещенская баба

В первую очередь следует остановиться на правильном толковании и переводе слов *Vierissän akka* и *Vierissän keski*. Он важен не только в языковом, но и в этнографическом, и даже шире, в ментальном отношении. Часто их переводят, ориентируясь на русский язык, как Святочная баба и Святки. Это не совсем верно. *Vierissän keski* (*Vierissä*, *Vieristä*, *Vieristy*), безусловно, воспринималось карелами, как святочное, сакральное время года. Но в обоих этих названиях подчеркивается как бы приоритет Крещения перед Рождеством. *Vieristy* — это Крещение. Следовательно, *Vierissän akka* — это Крещенская баба, а *Vierissän keski* — это Крещенский промежуток. То есть, северные карелы, восприняв многие православные обряды путем наложения на древние языческие, тем самым подчеркнули большую значимость Крещения. Рождество — это день рождения Иисуса, день, в который Бог отправил на землю Спасителя. Он своим рождением, а затем мученической смертью взял все грехи людей, поверивших в него, на себя. Древним карелам было трудно это понять, т. к. они считали, что заслужить отпущение грехов у своих многочисленных богов можно лишь различными жертвоприношениями и магическими обрядами. Принять спасение таким легким способом, которое предлагало Рождество, просто через веру, было трудно. Гораздо более близким и понятным оказался обряд водного крещения. Во-первых, сам обряд омовения — очищения водой уходит корнями в язычество. Об этом пишет автор Густынской летописи, сообщая, что до сих пор продолжают поклоняться языческим богам: Хорсу, Дажбогу, Стрибогу, Семарглу, — которых он называет бесами: «въ день пресветлого Воскресения Хри-

³⁷ Георгиевский А. Народная демонология // Олонецкий сборник. Материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края. Петрозаводск, 1902. С. 61.

стова, собравшись юнии и играюще, вметают человека въ воду, и бывает иногда действиемъ техъ боговъ, си есть бесовъ, яко вметаемый во воду или о дерево или о камень въ воде разбиваются и умирают, или утопают; по иныхъ же странах не кидаютъ въ воду, но токмо водою обливають, но единаче тому же бесу жертву сотворяют»³⁸. Те же языческие, так называемые летние Святки (Veändöi), время разгула, предания греху, заканчивались всеобщим купанием в реке. После принятия христианства этот обряд осуществлялся зимой, в самые лютые Крещенские морозы, 19 января, в последний день пребывания Vierissän akka на земле. Для этого нужно было проявить собственную смелость и продемонстрировать перед Богом большое желание смыть с себя грехи. Назывался он «kävvä Jordanah» («ходить в Иордан»). Человек прыгал в воду, освященную служителем веры, а потом прямо в рубашке или ферези, мокрый, бежал звонить в церковные колокола (безусловно, это уже влияние библейского сюжета о крещении в р. Иордан, в том числе Иисуса Христа). Название самого праздника Vieristy произошло от слов vezi ristu, vein ristu, т. е. крещение, освящение воды (букв.: водный крест).

Таким образом, в терминах, связанных со Святками (Vierissän akka, Vierissän keski) у карелов на первый план выходит обряд освобождения человека от годовых грехов.

Образ Крещенской бабы, бытующий на севере Карелии, видимо, сохранил более архаичные черты, чем южнокарельский Сюдю. Уже из названия Vierissän akka видно, что это женский персонаж. Вероятно, это всевидящее и всезнающее существо когда-то олицетворяло мифическую прародительницу, покровительницу рода. Ведь, с одной стороны, «женское начало» сопоставляется с природой, приравнивается к ее производительным и творческим силам, оно представляется воплощением жизненной энергии и идеи плодородия. С другой стороны, та же Vierissän akka порой воспринимается как нечистая сила, причиняющая зло человеку. Как пишет Х. А. Хаберкирова, издревле многие женские мифологические персонажи «представали покровительницами плодородия. В последующие эпохи эти образы были переосмыслены и получили негативную окраску. Причин этому несколько: рост рационального знания о природе и человеке; развитие культуры; «выветривание веры» (выражение Б. А. Рыбакова) в магическую силу женщин; формирование пантеона мужских божеств; развитие монотеистической ре-

---

³⁸ Мансикка В. Религия восточных славян. М., 2005. С. 116.

лигии; изменение социальных отношений в обществе и снижение статуса женщины»³⁹.

По всей видимости, произошло наложение на древний языческий персонаж новых христианских воззрений. Об этом говорит уже и название Бабы — «Vieristän», т. е. Крещенская Баба. И постепенно сакральная прародительница, покровительница рода превратилась в опасную силу, враждебную людям, но еще сохраняющую некоторые свои позитивные черты. В. Юриной, родившийся в 1901 г. в д. Аконлахти, пишет, что Vierissän akka — это «сверхъестественный, невидимый дух; устрашающий злой дух»⁴⁰.

В древних мифологиях время часто персонифицировано; «изначально каждый день недели персонифицировался в мифологическое существо»⁴¹. К примеру, у мордовского демиурга Нишке семь амбаров: в одном живет дед Мороз, в другом — дед Мякина, затем — пятница, воскресенье (особо почитаемые дни), зима, лето, а в седьмом видна земля⁴². Крещенская баба по сути своей персонифицирует Святки, время зимнего солнцестояния.

Чаще всего ее представляют как хозяйку воды, водяного: «У него спрашивают, у водяного. А он ничего не отвечает, ничего» (21)⁴³. «Потом она поднимается оттуда, это хозяйка воды якобы поднимается» (354). «Vanha rahvaš kertoi, jotta še vetehini muka noušou sieltä, jotta se poštai vejen. Старики рассказывали, что это водяной якобы оттуда поднимается, что это он воду поднимает» (ФА 2213/11). «Когда слушать ходили, то говорили, что там в проруби есть Крещенская баба. Я никогда не ходила. Ходили девушки да парни, говорили, что там, в проруби, есть водяной» (7). Здесь можно сравнить карельскую Крещенскую бабу с ву-муртом (водяным человеком) вотяков, который «выходит из воды около Рождества, готовый напасть на человека, но становится опять безвредным в Крещение, когда совершаются его проводы»⁴⁴. У русских и коми в новогоднюю ночь люди выходили топтать

³⁹ Хабержирова Х. А. Природа и характер некоторых мифологических персонажей в эпосе и бытовой культуре черкесов // Этнографическое обозрение. 2005. № 5. С. 94.

⁴⁰ Jurinoja V. Akonlahden arkea ja juhlaa. Turku, 1965. S.124–125.

⁴¹ Криничная Н. А. Русская народная мифологическая проза. Т. 2. Петрозаводск, 2000. С. 91.

⁴² Петрухин В. Мифы финно-угров. М., 2003. С. 301.

⁴³ Здесь и далее: в скобках номер текста в данной работе.

⁴⁴ Мансикка В. Из финской этнографической литературы. Петроград, 1917. С. 221.

шуликинов или шулейкинов, подводных духов, которые якобы вылезают из проруби и вредят людям⁴⁵. Возникают аналогии и с духами земли и воды поволжских народов, характерной чертой которых также является их связь с календарными обрядами. Слушание у проруби у удмуртов не зафиксировано, но, во-первых, они в Святки в полночь берут оттуда воду для гаданий, при этом, уходя должны не оглядываться. Во-вторых, удмурты, начертив на земле круг и ложась внутри него, слушают землю; при этом В. Г. Ахметьянов считает круг имитацией проруби. Учитывая, что гадания, увеселения и жертвоприношения у поволжцев происходят и в дни летнего солнцестояния, когда особенно активен дух шур-вожо (речной гнев), исследователь приходит к выводу, что «мифологические связи между летним солнцестоянием, беременностью матери-земли и подводным царством зародились в сознании людей первобытного общества одновременно в разных местах по законам символизации и персонификации явлений природы»⁴⁶. То, что Крещенская баба когда-то ассоциировалась с некоей Праматерью, Хозяйкой-Матерью воды, подтверждается и примерами из эпических песен. В одной из южнокарельских рун древняя Морская баба стоит в одном ряду с олицетворенными образами Рождества и Крещенья:

Rostava roikuu,	Рождество трещит,
Vieristä vinkuu,	Крещенье скрипит,
Aitan alle ampuu,	Под кладовой стреляет,
Kiven alla kirguu,	Под камнем кричит,
Meren akka röngyü,	Морская баба орет,
Tyttäriä mieheltä andav,	Дочерей замуж отдает,
Poigie naittav	Сыновей женит
Kivissä kindahissa,	В каменных рукавицах,
Savissa sooppaissa,	В глиняных сапогах,
Kultapeä veitšilöissä,	Со златоглавым ножом,
Tulisissa tulpoissa.	В огненном тулупе.

*SKVR. II. 608*⁴⁷.

В данном отрывке внимание сосредоточено на сакральных локусах: кладовая (место, где слушали предсказания святочных персонажей),

⁴⁵ *Белицер В. Н.* Очерки по этнографии народов Коми. Труды института этнографии. Новая серия, т. 12. М., 1958. С. 319.

⁴⁶ *Ахметьянов В. Г.* Мифологические образы Евразии в фольклоре народов Поволжья // Фольклор народов РСФСР. Уфа, 1978. С. 15.

⁴⁷ В дальнейшем при цитировании Suomen kansan vanhat runot (сокращенно SKVR) римской цифрой указывается номер тома, арабской — номер текста в томе.

камень (в мифологической прозе — место проникновения, вход в мир иной) — и на ритуальных оберегах: рукавицы, нож, тулуп.

В нескольких быличках Vierissän akka мыслится как совершенно враждебное человеку существо и, видимо, вследствие влияния православия называется чертом, бесом, «плохой половиной». «Когда одни на коровью шкуру сели слушать, а он остался за кругом, хвост. Хвост не обвели кругом. Бес потащил туда, к водопаду. Чуть не унес! Хорошо, что выпрыгнули» (352). «Видимо, в этом было что-то, потому что черта надо было бояться, нельзя было смотреть никуда» (8).

Иногда даже внутри одного мифологического рассказа Крещенская баба называется и водяным, и чертом. Это опять же, видимо, более позднее наслоение, когда уже на смену вере в силу природных стихий пришло христианство с четким противопоставлением добра и зла, Единого Бога Отца, Сына и Духа многочисленному пантеону различных духов-покровителей, свергнутых вместе с Люцифером.

Иногда из сюжета былички трудно понять, олицетворяется ли сама Vierissän akka с чертом, или он только приходит ей на помощь в случае нарушения слушающими каких-либо правил. В одном из рассказов это существо прямо названо «врака» («враг»), и живет оно в лесу, т. е. в локусе, чуждом для человека. «... Там пятый человек должен быть, иначе, говорят, „враг“ возьмет, если нет лишнего человека. — А кто это, враг этот? — Дак который в лесу чудится, придет и возьмет» (4).

К примеру, когда тихвинские карелы (чья мифология осталась полностью за пределами нашего исследования) в Святки ходили «слушать», они прямо вызывали чертей: «Ходили мы и на развилок дорог слушать. Возьмем заболонную лучину, этой заболонной лучиной проведем круговую черту и скажем: „Черти, явитесь! Черти, явитесь!“ Это чтобы черти пришли в этот круг... Их так много пришло туда, что изо рта огонь, так изо рта огнем и пышет, да бегут...»⁴⁸.

В качестве самой поздней версии можно представить вариант, когда старообрядцы рассказывают, что детей пугали уже не Крещенской бабой, а Крещенской свиньей (Vierissän sika). Это уже, видимо, влияние библейского сюжета, когда Иисус выгоняет нечистых духов из бесноватого в свиней⁴⁹ (тем самым свинина у многих народов считается «грязным», оскверненным мясом). Крещенская свинья, как и «враг», приходит из леса⁵⁰. «Святки отмечали. Святочной свиньей нас пугали. Святочная

⁴⁸ Образцы карельской речи / Сост. В. Д. Рягоев. Л., 1980. С. 206–207.

⁴⁹ Новый Завет. Мф. 8:28–32. Мк. 5:2–13.

⁵⁰ Об этом подробно см.: *Конкка А. П.* Святки в Панозеро или Крещенская свинья // Панозеро. Петрозаводск, 2003. С. 135–140, 142–153.

свинья. Не баба! Свинья! Не знаю, как сказать, что это. Ну, чтобы дети боялись. Это во время Святки... Откуда она приходила, туда и уходила... Не говорили, откуда приходила. Из лесу! Из лесу, наверно» (24).

Святочное время у северных карелов было связано с множеством запретов и условностей. К примеру, пол в избе подметали в обратную сторону, от дверей к передней стенке (ФА 1987/12). Чтобы не навлечь гнев Крещенской бабы, нельзя было работать при свете лучины, и в то же время всю работу надо было доделывать до конца. Нельзя было ругаться, шуметь и озорничать, иначе Баба могла прийти ночью в избу: одна из быличек рассказывает о том, как после шумного вечера все, кроме одного человека, легли спать с горшками на голове; этому-то смельчаку Крещенская баба и снесла голову (ФА 2000/3).

Основным местом обитания *Vierissän akka* является прорубь. Именно сюда чаще всего приходят в Святки парни и девушки, чтобы услышать ее предсказания. В промежуток с Рождества (7 января) до Крещения (19 января) Крещенская баба вместе с поднимающейся водой выходит из проруби, общается со «слушающими» и наказывает тех, кто не соблюдает все тонкости обряда.

В одном из текстов сообщается, что накануне Крещения надо поставить на краю проруби крест из лучины, чтобы *Vierissän akka* могла выйти оттуда. «Когда были Святки, две недели, мы всегда ходили Крещенскую бабу слушать... А как наступала ночь перед Крещением, тогда, говорили, надо идти на прорубь, сделать Крещенский крест. Крещенский крест сделать — вот такой длины лучину поставить и положить крест-накрест так, две. Потом положить цветов на этот крест, красивых цветов поверх креста, и поставить его на край проруби. И вот так Крещенская баба выпрыгнет из проруби на верхушку креста. А потом она уже уходит прочь, уже заканчивается время ее пребывания, когда эти Святки заканчиваются» (17).

Некоторые информаторы сообщают, что для того, «чтобы баба *Виеристя* могла свободно входить и выходить, проруби специально увеличивались и возле них ставили особые кресты, в которых не должно быть железных гвоздей»⁵¹.

Такие варианты наполнены более поздними во временном отношении деталями, привнесенными православием. Это и крест, сделанный из лучины и украшенный цветами, и железные гвозди (возможно, напо-

---

⁵¹ *Кокка А.* Святки в Панозере, или Крещенская свинья // Панозеро. Петрозаводск, 2003. С. 130–153.

минание о казни Христа), и ограничение времени пребывания в проруби Крещенской бабы только от Рождества до Крещения, и ее уход то ли в небо (где живет Бог), то ли в лес (где обитает «враг» человека черт).

Крещенскую бабу можно повстречать и летом, в промежутке от Петрова до Ильина дня. «Крещенская баба — это, говорят, хозяйка воды. Это водяная. В нашей деревне была в озере, она показывалась в промежутке между Петровым и Ильиным днями. Второго августа Ильин день. Но в этот промежуток она активно жила!» (18).

Примечательно, что в этом сюжете Крещенская баба мыслится как Хозяйка воды. Однажды она попадает в тоню во время рыбалки и с бурлением уплывает из нее. В другой раз, в 1918–1920 годах, ее пытались поймать финны в Рувозере, они видели ее в образе черной женщины, расчесывающей волосы, которые сопоставляются с водяным червем, живущим в озере. «Она поднялась, как медведь в лесу ходит. Поднялась и села на берегу. Но у медведя нет волос на голове, а у этого волосы. Те финны говорили: сидит, как человек, и, как волосатики (водяные черви. — *И. Л.*), которые в воде, — это его волосы. Она их выпускает в промежуток от Петрова до Ильина дня. В этот промежуток они есть у нас, ведь в Рувозере раньше каменистые берега были (сейчас-то наша деревня под водой), и вот их полные берега были, свиваются в такие кучи, эти волосатики... Этих волос она много выпускает, в промежуток от Петрова до Ильина дня, так, где она есть. А зимой она не поднимается, если только кто поднимает» (18).

Изредка в образе Хозяйки воды ее можно увидеть и весной. «О Крещенской бабе я то расскажу, что мы возвращались с рыбалки утром. Проехали около десяти километров: лежит, думает, там на берегу. — Это было зимой или летом? — Весной. Она сидит там, на берегу, волосы расчесывает. Сидит, сидит, ну как человек. А мы, правда: кто это так рано здесь? Подплываем совсем близко, почти как к ручью у школы подошли. Еще ближе, раз подпускает! Смотрела, смотрела, да как плюнет, да как в воду плюхнется! И как пошли волны! Смотрим: вот-вот перевернет у нас лодку! Потом как пошла, только с дороги уходи!» (19).

Крещенская баба в образе хозяйки воды может мстить за своего ребенка, пойманного людьми. «А как там, в Нильмагубе, мы ходили к одной женщине-родственнице, там четыре креста было. Мы говорим: „В одно время умерли?“ Они говорят, что одновременно. Весной, когда вытаскивали невод, попался ребенок, ребенок этот хозяйки. Тогда берут они этого ребенка: „Взять надо!“ — говорит женщина. А другая говорит, что давайте не будем брать, а то беда будет. А тот урчит, так по-плохому верещит, на свой лад. Тогда как начало лодку волной рас-

качивать. Это мать. И выпустили в озеро. Потом легли спать днем, и, говорит, видят во сне эти женщины: „Вы взяли у меня ребенка, а я у вас троих возьму!“ И вот они осенью поехали за ягодами, и вот там камень на пути, вот там перевернулись те трое детей, а одной женщины ребенка оставила, той, которая говорила: „Не берите!“ Они есть, на самом деле, они есть! Пусть не говорят, что нет, они как люди!» (19).

Об антропоморфности Крещенской бабы свидетельствует и такая деталь: она может пнуть гадающих «мерзлым сапогом» «*kylmällä kenkällä*» (15, 16). Упоминания, что *Vierissän akka* и *Syndy* ходят в «замерзших сапогах», встречаются довольно часто⁵².

То, что Крещенскую бабу иногда представляли в антропоморфном виде, подтверждает и до сих пор сохранившаяся в карельской деревне негативная оценка неряшливо одетой, растрепанной женщины. «„Хороша ты, Крещенская баба!“ — хоть кому так говорят, кто плохо одет. Еще и сейчас говорят: „Там идет Крещенская баба!“ Точно, она была во время Святков!» (23).

Таким образом, самый древний сохранившийся пласт верований представляет *Vierissän akka* как женщину, живущую в воде. Изначально это, видимо, Хозяйка воды, возможен даже перевод *Vienemä* как Мать воды («*emä*», в т. ч., значит «мать»), т. е. Божество воды. Первоначально с ней можно было общаться круглый год. Например, в причитаниях, эпических песнях и особенно в заговорах, т. е. наиболее древних жанрах, вода видится не только как ежедневно открытый путь прибытия в загробный мир, но и как постоянно доступное средство передачи информации умершим от живущих: «*Puhtas vezi-vedyt, vie vieštizet... Чистая вода-водица, отнеси весточки...*».

Позже, видимо, в результате христианизации, когда статус всех божеств-хозяев-духов природных стихий был снижен, низведен до отрицательного уровня, противопоставляемого триединому Богу, время общения с ними, в том числе с Крещенской бабой, было сокращено до летних и зимних Святков, сакральных времен года, когда на свободу выходит вся нечистая сила.

Подавляющее большинство сюжетов, дошедших до наших дней, соотносит Крещенскую Бабу только с зимними Святками, со временем двух самых главных христианских праздников — Рождества и Крещения. Ее христианизированное имя связано с крещением воды, с ее освящением. Здесь, возможно, видны корни ее бывлой глубокой почитаемости — ведь известно, что православная церковь пыталась смягчить пе-

⁵² См. *Кокка А. П.* Холодный башмак (*kylmäkenkä*) // Панозеро. Петрозаводск, 2003. С. 140–142.

реход от политеизма к монотеизму, заменяя почитание духов-божеств почитанием христианских святых.

В быличках Крещенская баба аморфна, описания ее внешности, за редким исключением, отсутствуют. Иногда говорится, что «баба Виеристя выходит в канун Рождества из проруби величиной с льняное семя, а уходит обратно в Крещение величиной с воз сена», так как все это время собирает людские грехи⁵³.

В некоторых сюжетах говорится о том, что у Крещенской бабы есть собачка (постоянный спутник южнокарельского святочного персонажа Сюндю), которая своим лаем показывает парням (девушкам) направление, в котором они женятся (выйдут замуж). «А у нее еще есть маленькая собачка. Эта собачка, с какой стороны будет лаять, в той стороне мы и женимся» (17).

В севернокарельской традиции чаще отмечается наличие у Vierissän akka коней, которые также предсказывают будущее тех или иных людей. В. Юриной вспоминает о своем односельчанине Филиппе (Hilppä), который пошел на лыжах из Шапповаары домой. И вот, когда он подходил к Лехтониemi, вдруг со стороны Кованиemi на лед выскочила сначала одна лошадь, потом вторая, третья, четвертая! И как начали резвиться по льду, только снег столбом в воздухе стоит и — пропали! Потом из Кованиemi повалил народ — черно! Плачут, кричат на разные лады! И снова — все пропали! Филипп никогда еще так не пугался, но все равно пошел в ту сторону посмотреть на следы — ничего, «даже мышка не пробежала»! А дед Емельян (Omeli) дома уже разгадал это видение: через четыре года какая-то беда для народа будет, может, голод, может всем предстоит дальняя дорога⁵⁴. Присутствие коней (как и собачки) рядом с образом Крещенской бабы еще раз указывает на то, что она воспринималась не просто как существо из иного мира, но и как древняя прародительница. В. Мансикка пишет, что «верования, по которым смерть или обиженные души умерших разъезжают на конях и поражают людей разными болезнями, встречаются и у других народов. Согласно древнегерманским воззрениям, смерть скачет на коне. От Хель, которая во время чумы скачет на трехногом коне, древние скандинавы пытались откупиться овсом»⁵⁵. В вепсской мифологии лошадь рассматривалась как перевозчик души умершего, особенно мужчины, в иной мир; к тому же ей приписывался дар пред-

⁵³ Конкка А. Святки в Панозере... // Панозеро. Петрозаводск, 2003. С. 133.

⁵⁴ Jurinoja V. Akonlahden arkea ja juhlaa. Turku, 1965. S. 123–124.

⁵⁵ Мансикка В. Религия восточных славян. М., 2005. С. 104.

сказания⁵⁶. Конь — это спутник многих верховных языческих божеств: в колеснице, запряженной лучшими лошадьми, скачут и греческий Зевс, и славянский Перун, и хеттский Пирва.

В одном из рассказов говорится, что гадающих надо обвести кругом, «чтобы когти до них не дотянулись» (ФА 1394/1). Эта гипертрофированная деталь присутствует и в облике водяного. Карелы с отстриженными ногтями обращались очень бережно, считалось, что они пригодятся на том свете⁵⁷.

Практически во всех быличках Крещенская Баба персонифицирует божество судьбы, знающее и способное предсказать будущее, а иногда и вершащее судьбу человека. Именно поэтому основной целью общения с ней было стремление узнать грядущие события. Но, как пишет В. Юриной, ее слышат «только редкие и избранные».

Иногда, в более ранних записях, она предсказывала будущее сама, даже не дожидаясь обращения к ней человека. Это проиллюстрировано в предыдущем примере. Тот же дед Емельян рассказывал, что пошел несколько лет назад в Святки на улицу. Была полночь. Вдруг слышит: в риге Ховатта доски строгают. Через несколько дней деда позвали делать для Ховатта гроб⁵⁸.

В последние десятилетия былички повествуют о том, что Vierissän akka предсказывает будущее только в том случае, когда намеренно идут общаться с ней, «слушать» ее. Делается это именно в Святки, во-первых, потому что это самое сакральное пороговое время года, а во-вторых, это самое тихое время, когда и животные закрыты в хлевах, и народ ходит мало. Предпочтительнее «слушать» или под утро, или после полуночи.

Чаще всего это делают на основном месте обитания Крещенской бабы — у проруби. При этом надо соблюсти четко установленный ряд строгих правил. На прорубь никогда не ходят слушать поодиночке, чаще всего по три или пять человек (на севере, в отличие от Южной Карелии, это могли быть не только девушки, но и парни). Обязательно должно быть нечетное количество (как говорят рассказчики, «liika henki», т. е. «лишний человек») (4, 18). Непременным было присутствие «saat-taja», т. е. «отводящего», который совершит все обрядовые действия.

«Отводящий» приводит к проруби нечетное количество слушающих, расстилает на снег невыделанную шкуру яловой коровы, на которую

⁵⁶ Винокурова И. Ю. Животные в традиционном мировоззрении вепсов (опыт реконструкции). Петрозаводск, 2006. С. 271, 275.

⁵⁷ См. подробнее: *Hämäläinen A. Ihmisruumiin substanssi*. Helsinki, 1920. S. 5–18.

⁵⁸ *Jyrinoja V. Ibid.* S.123.

все садятся. Сверху накрывает большой полостью из овечьих шкур, чтобы все были плотно закрыты. Затем «отводящий» обводит острым железным лезвием (чаще всего это топор или нож) слушающих два раза по солнцу и один раз против, все время читая при этом «умилюющие заговоры». Уходит он спиной вперед и запечатывает следы печной заслонкой. После этого все в порядке: контакт человека с иным миром налажен, и предсказания могут быть услышаны.

Здесь следует отметить несколько моментов. Во-первых, шкура должна быть обязательно невыделанной и от яловой, т. е. неплодотворенной коровы. Тем самым как бы подчеркивается чистота, безгрешность, непорочность, а вместе с тем природная естественность вещи, которая служит оберегом для «слушающих». Во-вторых, необходимо обвести трехкратный магический круг. Чаще всего его обводили два раза по часовой стрелке и один — против; иногда все три раза — по солнцу. Чем объясняется такая разница — неясно. Первый вариант, возможно, имитирует наиболее крепкое запираение круга, аналогично возврату нити при завершении прошитой строчки. Некоторые информанты говорят, что «человек ведь живет по солнцу», так и круг надо чертить. Возможно, некую путаницу внесла церковная реформа Никона 1653–1656 годов: старoverы совершают крестный ход по часовой стрелке, Никон же распорядился делать это — против. Во время гадания круг обводится чем-то острым и железным (топором, ножом, косой), что могло служить оберегом, например, от проникновения в дом злых духов (его втыкали в дверную притолоку, клали под постель младенца и т. д.). Позже круг этот могли обводить уже иконой или просто брали ее с собой как защиту, дарованную Богом (11, 4, 16). В-третьих, «отводящий» уходит, запечатывая свои следы печной заслонкой. В данном случае важно, что он не просто замечает, уничтожает следы, а делает это с помощью печной заслонки (иногда — помела). Точно так же, как иногда магический круг обводят сковородником (особенно часто на юге). Все это — вещи, имеющие отношение к дому и очагу, к культуре огня и умерших предков (под печью мог жить домовый, под ней в древности хоронили своих умерших родичей). И в данном случае вещи, сопричастные стихии огня и покровителям домашнего очага, могли выступать как защитники от нечистой силы. В-четвертых, в процессе гадания «отводящий» должен все время читать особые заговоры (или в последних записях — молитвы). Т. е. древнее слово «logos», которое (согласно Библии) было еще до сотворения мира, тоже выступает как оберег.

О магическом круге (железной изгороди), который строится вокруг дома в Святки с целью предотвратить проникновение в него Крещен-